

§ 1.

Объ осмогласіи знаменнаго роспѣва.

Существенное коренное свойство православнаго церковнаго пѣнія составляетъ его осмогласіе. Въ обычномъ значеніи этого слова, подъ нимъ разумѣется, обыкновенно, пѣніе на восемь ладовъ, пѣніе на восемь мелодическихъ видовъ или способовъ, что то же, пѣніе на восемь гласовъ. Что разумѣть подъ гласами? Въ древнемъ греческомъ христіанскомъ церковномъ пѣніи, которое со времени принятія русскими христіанской вѣры отъ грековъ, легло въ основу православнаго русскаго церковнаго пѣнія, подъ именемъ гласовъ разумѣлись музыкальные лады или мелодическіе постепенные звукоряды разной высоты и съ различнымъ расположеніемъ тоновыхъ и полутоновыхъ діатоническихъ интервалловъ, составляемые изъ тетрахордовъ, имѣвшіе различные господствующіе и конечные звуки. Сообразно съ этимъ нѣкоторые изслѣдователи православнаго русскаго церковнаго пѣнія (прот. Д. В. Разумовскій, а за нимъ Ю. Арнольдъ и прот. Г. Вознесенскій) предполагали, что то же или, по крайней мѣрѣ, подобное устройство осмогласія осталось въ зависимости отъ греческаго и въ русскомъ церковномъ пѣніи, хотя слѣды этой зависимости еще довольно неяснены. Не отвергая такой зависимости русскаго церковнаго пѣнія отъ греческаго, каждый, изучающій древнее православное церковное пѣніе практически, въ правѣ спросить, въ чемъ же именно заключается и гдѣ видна эта зависимость, эта прямая связь теоретическаго устройства и техническаго построения рус-

скаго церковнаго осмогласія по отношенію къ греческому, въ какихъ очевидныхъ, наглядныхъ, доступныхъ непосредственному чувству и познанію пѣвца-практика, признакахъ она выражается, — точнѣе сказать, гдѣ тѣ теоретическія или практическія данныя, по которымъ прежній русскій пѣвецъ-практикъ, а за нимъ и нынѣшній, могли бы на основаніи древней музыкальной системы греческой, по методу техническаго устройства греческаго осмогласія, опредѣлить гласы русскаго церковнаго пѣнія. Такихъ данныхъ донинѣ не оставила намъ ни исторія, ни археологія, ни теорія, ни даже практика церковнаго пѣнія. Нынѣшній пѣвецъ-клирикъ не въ состояніи уже указать ни одного признака греческаго устройства осмогласія въ нашемъ церковномъ пѣніи. Ему безсильны помочь въ этомъ и традиція, и опытъ, и собственное пѣвческое чутье, не говоря уже о теоріи, исторіи и археологіи, которыя совершенно безмолвны въ этомъ случаѣ. Руководился-ли древній русскій пѣвецъ-клирикъ, онъ же нерѣдко и составитель мелодіи пѣснопѣній, основаніями греческаго осмогласія въ теоріи, или практикѣ, объ этомъ свѣдѣній вовсе нѣтъ, но есть основанія предполагать, что при недостаточности общаго развитія и специальной пѣвческой подготовки пѣвца-клирика того отдаленнаго времени, когда христіанское просвѣщеніе и наука только еще насаждались и нарождались на Руси, было невозможно для него овладѣть сложною системой техническаго устройства греческаго осмогласія и затѣмъ самостоятельно и вполнѣ сознательно примѣнить эту систему къ церковному пѣнію русскому.

Извѣстно, что русскій клиръ, принявъ на первыхъ порахъ готовое греко-славянское пѣніе, сначала чисто внѣшнимъ образомъ, механически, вскорѣ же проявилъ однакоже и свою самостоятельность, положивъ на гласовой напѣвъ стихиры новымъ русскимъ святымъ, преп. Оеодосію Печерскому, мученикамъ Борису и Глѣбу и др. Какъ составлялъ новыя пѣснопѣнія русскій пѣвецъ-клирикъ? Предположивъ, что онъ безсиленъ былъ въ области греческой музыкальной теоріи и техническомъ устройствѣ греческаго осмо-

гласія, остается согласиться съ тѣмъ, что онъ механически подгонялъ новые тексты подъ старые греко-славянскіе напѣвы и въ то же время природнымъ музыкальнымъ чутьемъ и слухомъ улавливалъ характерныя мелодическія особенности, своеобразныя мелодическія фигуры и обороты въ напѣвѣ каждого гласа, усвоивъ которыя, онъ могъ затѣмъ болѣе самостоятельно излагать пѣвчески новыя пѣснопѣнія, удерживая наиболѣе типичное и характерное въ каждомъ гласѣ и отбрасывая несущественное, менѣе важное и нужное, съ его точки зрѣнія. Такимъ образомъ постепенно практически могла создаться у пѣвцовъ-клириковъ манера выражать напѣвѣ каждого гласа не тѣмъ, или другимъ тетрахордомъ, съ тѣми или другими конечными и господствующими звуками, а тѣмъ, или другимъ мелодическимъ оборотомъ, извѣстною мелодическою фигурою, пѣвческою строкою, попѣвкою, «лицомъ», *) съ извѣстнымъ однакоже опредѣленнымъ, издавна по традиціи усвоеннымъ, быть можетъ, еще изъ греко-славянскаго напѣва заимствованнымъ, его техническимъ построеніемъ, въ отношеніи тоновыхъ и полутоновыхъ интервалловъ, пѣвческое различіе котораго на слухъ было ему доступно, теоретически же неизвѣстно. Подобныхъ мелодическихъ фигуръ и оборотовъ или попѣвокъ въ старомъ знаменномъ распѣвѣ въ различныхъ гласахъ находится довольно много, и опытному пѣвцу достаточно бѣглаго взгляда, чтобы по одной, двумъ, или нѣсколькимъ строкамъ сразу безошибочно опредѣлить, къ какому гласу принадлежитъ то, или другое пѣснопѣніе, какъ и въ напѣвѣ обычномъ, кievскомъ и греческомъ нерѣдко довольно двухъ-трехъ пѣвческихъ гласовыхъ строкъ, чтобы рѣшить, къ какому гласу относится рассматриваемое пѣснопѣніе.

---

*) См. «Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи», стр. 46, примѣч., гдѣ авторъ сказанія современнаго царствованію Михаила Ѳеодоровича, повѣствуетъ о старыхъ мастерахъ пѣнія, что они «пѣли для науки кокизникъ и подобникъ наизусть, потому что они согласіе и знамя гораздо знали, распѣвали и знамя накладывали наизусть.» Ркп. б. Синод. уч. перк. пѣнія. № 219.